

Алексей Живой

Коловрат

ЗНАМЕНИЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445
Ж67

Серия «Историческая фантастика»

Выпуск 1

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Ж67 Живой, Алексей

Коловрат: Знамение: роман / Алексей Живой. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. (Историческая фантастика).

ISBN 978-5-17-102881-7

Афганистан. Конец войны с моджахедами. Спецназ наводит порядок в примыкающей к Пакистану провинции Кунар. Во время погони за «Стингерами» Кондратий Львович Зарубин, потомственный казак и без пяти минут капитан спецназа 334-го Отдельного отряда специального назначения ГРУ, вместе со своими людьми попадает в ловушку. После взрыва в блиндаже, начиненном взрывчаткой, его дух переносится в прошлое.

Очнувшись, он обнаруживает, что живет теперь в чужом теле. Здесь его называют Евпатий Коловрат. Он боярин и военачальник, который служит рязанскому князю Юрию. На дворе 1235 год от Р. Х. Остается еще пару лет до Батыева нашествия, во время которого содрогнется Русь, а Рязань будет сожжена первой.

Пока кругом царит шаткий мир. Князья предаются междоусобицам. О татарах никто не слышал со времен битвы на Калке. И только один человек знает, что время терять нельзя. И что нужно делать, чтобы изменить судьбу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102881-7

© Алексей Живой, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НОЧНОЙ ШТУРМ

Темное предзвездное небо прочертил огненный шар и с треском разбился о самый край высокой бревенчатой стены, разбрызгав языки пламени вокруг себя. Горящая жидкость плеснула во все стороны, окатив стоявших за зубцами ратников в кольчугах. С шипением потекла вниз по стенам крепости, поджигая все на своем пути. Охваченные огнем воины побросали дымящиеся щиты и кинулись тушить огонь, который уже разъедал их тела, проникая под одежду. С дикими криками двое кубарем покатались вдоль подмоетков, пытаясь сбить огонь, а еще двое сиганули с крепостной стены вниз, в надежде на спасительный снег, укрывавший все улицы осажденного города. Но оба промахнулись. Один упал на телегу с оружием, раздробив себе ребра. А другой угодил прямо на острый частокол, выстроенный внизу на случай прорыва. С мерзким чавканьем отточенные колья пронзили насквозь тело ратника, обогрившего своей кровью снег, до которого ему не суждено было добраться. Уже мертвый, с осте-

К
◇
П
◇
В
Р
А
†

кленевшим взглядом, он словно все еще пытался дотянуться до снега, вытягивая руки последним усилием и продолжая гореть. Капающая на снег кровь его в безумных отсветах этого пламени казалась черной.

Высоко над ними прочертила небо новая волна огненных шаров. Перелетев стену, она накрыла город. Несмотря на снег, лежавший повсюду, огненным зарядам удавалось быстро поджигать деревянные постройки. Первый угодил на крышу купеческого дома, раскололся надвое и заставил вспыхнуть огромный терем. В отсветах огня заметались полуголые люди. Кто-то в ужасе бегал по двору, кто-то старался вытащить из дома еще не сгоревшее добро, не понимая, что скоро весь город охватит всепожирающее пламя.

Второй огненный гостинец упал на амбары возле Успенского собора, запалив припасы монахов. Третий ударил в колокольню, с которой над осажденным городом разносился гулкий звук колокола, призывавший на битву. Звон прекратился, а ошпаренные огненной жидкостью монахи с воплями посыпались вниз. Такая же участь постигла и Спасский собор, все пространство вокруг которого тоже вскоре было охвачено пламенем. Казалось, нападавшие специально метили в храмы русичей, желая надругаться над их богом. Один величественный Борисоглебский собор стоял пока без урона. Лишь молчаливо зияла во тьме черная дыра на том месте, где была когда-то башня с колоколом, рухнувшая при недавнем землетрясении.

После начавшегося обстрела многие жители в панике разбежались по закоулкам. Самые смелые же, напротив, бросались в огонь, пытаясь тушить занимавшиеся церкви. Словно голодный

огненный зверь, пожар быстро расползлся по городу, слизывая деревянные строения одно за другим.

Почти все воины были на стенах, ожидая нового приступа. Изможденные непрерывной осадой, они вглядывались в предрассветную мглу, то и дело разрывавшуюся огненными всполохами. Миновал пятый день осады, и счет приступов пошел уже на десятки. Воины князя Юрия стояли насмерть, но силы оборонявшихся русичей таяли на глазах, а к нападавшим подходили все новые и новые отряды.

Следом за огненными шарами в воздухе зашвистели тучи стрел, поражая защитников города, что искали укрытия за острыми зубцами. Высокая бревенчатая стена, утыканная уже сотнями таких стрел, спасала многих. Но атаковавшие город степняки были меткими лучниками. То и дело кто-то из ратников испускал резкий крик и, схватившись за шею или пораженный в бок, падал со стены вниз. А стрелы, невидимые в ночном небе, продолжали жалить, унося жизни русичей.

Неожиданно мощный удар сотряс занявшуюся стену, заставив ходить ходуном доски под ногами ратников. Когда сильнее разгорелся огонь, — занялась боковина у городской башни с главными воротами, — стало видно огромный таран, который нападавшие подкатили уже к самой стене. Смертоносное жало его было оковано блестящим металлом и более всего походило на голову барана или восточного чудища, изрыгающего огонь. Мост в главной башне был поднят, ворота крепко заперты, но за ночь глубокий ров оказался почти засыпан в этом месте бревнами и мерзлой землей до самого основания башни. По этой перемычке воины врага подкатили таран, который начал

теперь методично разваливать стену. Новый удар сотряс ее до основания. Затем последовал второй. Третий.

Рядом, по обледенелому склону рва, карабкаясь по длинным штурмовым лестницам, ползли вверх сотни пехотинцев в кожаных доспехах. А с той стороны рва, выстроившись в линию, расположились лучники врага, посылая стрелы на головы русских витязей. Позади них перемещались небольшие отряды легкой конницы. Быстро передвигаясь вдоль всей крепости, они то и дело пропадали в предрассветной мгле. Основные силы ордынцев таились где-то там, во мраке, дожидаясь своего часа.

— Господи, сколько ж тут незваных гостей понаехало, — выдохнул с паром изо рта бывалый бородатый ратник, поправляя шлем кольчужной рукавицей, — бьем их, бьем, а они, словно тараканы, ползут изо всех щелей. А ну, Провор, задай-ка ближним жару. Покажи, что и у нас гостинцы имеются.

— Это мы разом, дядя Наум, — кивнул широкоплечий усатый воин в кожаной рубахе, отложив в сторону свой меч и алый каплевидный щит с набалдашником.

Затем, вместе с товарищем, он подхватил за боковые ручки чан с кипящей смолой, что висел на треноге в десяти шагах, и, осторожно ступая, приблизился к самому краю стены напротив тарана. Стрелы продолжали свистеть над их головами. Внезапный удар стенобитного орудия заставил ратников покачнуться. Смола в чане всколыхнулась, и несколько капель раскаленного зелья попало на рубахи. Не теряя больше времени, Провор ухватился за другую ручку, специально приделанную к чану с боку для такого случая, и подался вперед.

— А ну, — скомандовал он своему товарищу, — разом!

И они резко перевернули чан. Кипящая смола пролилась прямо на головы степнякам, уже раскачавшим таран для нового удара. Дикае вопли нападавших огласили окрестности главной башни. Наум, осторожно выглянув из-за зубца стены, увидел, как человек пять катаются у колес огромного стенобитного орудия, схватившись за черные от смолы головы. Еще трое обожженных воинов скатились в ров, остальные бросились назад, подальше от стены. Таран, облитый спереди смолой, прекратил терзать уже горевшую в нескольких местах стену крепости.

— А вы чего застыли, отроки, как заколдованные?! — рявкнул Наум на молодых ратников, столпившихся у края стены и глазевших на обожженных степняков, — хватайте ведра и бегом тушить пожар! Стена уже вон как занялась. Если огонь разгуляется, недолго нам за ней прятаться.

Ратники кинулись с деревянными ведрами к бочке, что стояла тут же, рядом с треногой для кипячения смолы.

В этот момент Провор, чуть ли не по пояс перегнувшийся через стену, чтобы насладиться зрелищем ошпаренных степняков, распрямился и с гордостью крикнул:

— Видал, дядя Наум, как мы их тепло приняли?

— Видал, — кивнул мудрый Наум и едва открыл рот, чтобы приказать схорониться получше, как шальная стрела с чавканьем вонзилась в шею улыбающегося ратника и, пронзив ее насквозь, вышла снаружи. Кровь брызнула во все стороны. Провор оторопело взмахнул руками, потянулся ими к пронзенной шее, словно хотел выдернуть мешавшую дышать стрелу, харкнул кровью и рухнул вниз со стены, прямо на таран.

Его товарищ, стоявший в паре шагов, не успел ничего сообразить, как тоже получил стрелу в грудь. Пробив кожаную рубаху, наконечник вышел из спины. Ратник развернулся от удара, и тут же вторая стрела вонзилась ему уже в спину. Русич упал на колени, постоял так мгновение и распластался у стены, испустив дух.

— Лучники! — скомандовал Наум, делая шаг назад и прикрываясь щитом. — Ко мне.

А когда возле него образовалась шеренга из двух десятков молодцов с тугими луками, добавил:

— Троиц метить горящими стрелами в таран, поджечь его надобно. А остальным — послать ответ степнякам, чтоб знали, на кого руку подняли.

Стрелы русичей, волна за волной, тотчас полетели на дальнюю сторону рва, дав отпор нападавшим. С десятков ордынцев, пораженных русскими стрелами, скатилось в ров. Остальные отступили назад. На некоторое время над стеной даже перестали свистеть вражеские стрелы. Но на стороне врагов была тьма. Их было едва видно в сумерках, ибо рассвет не спешил наступать. А вот за спинами русских воинов уже разгорелся настоящий пожар. Языки пламени охватили добрую половину деревянных строений. И в отсветах пожара фигурки ратников, сновавшие по стене, были отчетливо видны нападавшим. Вскоре стрелы степняков вновь засвистели над шлемами защитников города.

Поджечь таран удалось лишь ненадолго. Заполыхавшее было пламя степняки быстро потушили, не считаясь с потерями от стрел русских лучников, что били почти в упор. Мертвых воинов, валявшихся под колесами стенобитной машины, безжалостно столкнули в ров. И, прикрываясь высокими деревянными щитами от хлеставших сверху стрел, придвинули таран еще ближе к сте-

не. Вскоре новый мощный удар сотряс ее до основания. Настил под ногами ратников вновь заходил ходуном. Что-то затрещало, и несколько бревен из верхнего ряда, отколовшись, полетели вниз. Возникла брешь шириной с трех человек.

— Эх, расшалились, поганые, — с досадой проговорил Наум, поглядывая на копошившихся у тарана степняков сквозь прорези шлема, закрывавшего переносицу, — того и гляди, рухнет стена. А ну-ка, ребяташки...

Но не успел он отдать лучникам новый приказ, как справа, на соседнем участке стены послышались крики и раздался звон мечей.

— Доползли-таки, — сплюнул Наум, увидев, как сразу несколько зыбких теней перемахнули через край и оказались на стене, схватившись с ратниками. — Эй, лучники, бей влет дорогих гостей. Только своих не покалечь. Остальные за мной! Не дай им растечься по стене!

И подняв меч, первым устремился на подмогу соседям. Тушившие пожар на стене молодые ратники побросали деревянные ведра и, схватившись оружие, бросились за своим сотником.

Едва Наум преодолел дюжину шагов, как перед ним вырос словно из-под земли воин в меховой шапке с раскосыми глазами. В руках он держал саблю и круглый щит. Издав визг, похожий на боевой клич, степняк быстро взмахнул клинком снизу вверх, вознамерившись полоснуть шею русича, поскольку тело его было надежно прикрыто доспехами. Наум был вооружен гораздо лучше степняка. И Наум не зевал. Он отразил атаку щитом — клинок врага лишь скользнул по краю, — а в ответ мгновенно нанес колющий удар, поразив противника в плечо. Степняк взвыл, выронив саблю, а Наум тут же обрушил на него второй удар

сверху, вложив в него всю свою ненависть. Меч витязя рассек легкий кожаный панцирь и плечо нападавшего, едва не отрубив руку. А пока тот, обливаясь кровью, еще покачивался на ослабевших ногах между жизнью и смертью, Наум вновь резко взмахнул мечом. Срубил неприятелю голову, как кочан капусты. Рухнув на доски, окровавленная голова степняка подкатилась к ногам Наума, оставив за собой темную дорожку.

— Я тебя сюда не звал, — пробормотал витязь, — сам пришел.

Сплюнув в сторону, Наум пнул голову степняка сапогом. Та укатилась вниз по лестнице и быстро пропала в темноте, перекатываясь по ступенькам. Тело ордынца уже лежало замертво в трех шагах, плавая в луже крови.

В этот момент над ухом Наума просвистела стрела, пущенная своим же ратником. Едва успев отшатнуться — он уж решил, что свои хотели лишиться жизни, — сотник увидел, как второй степняк застыл в двух шагах с поднятой саблей в руке. Стрела пробила ему грудь. Оттолкнув в сторону мертвеца, Наум двинулся дальше на шум сечи, куда уже устремились, обгоняя его, молодые ратники. Они схватились с пятью степняками, двое из которых махали топорами не хуже русичей, привычных к такому оружию.

— Сколько ж вас тут сегодня собралось, — зло крикнул Наум, воткнув одному из них ловким ударом меч в подбрюшье, — только успевай подарки раздавать.

Выдернув окровавленный клинок, он краем глаза заметил бойца, который только показался над стеной, едва успев схватиться ладонью за ее край. В другой руке степняк держал саблю, а за спиной виднелся перекинутый на ремне щит.

— Тебя я тоже в гости не звал, — рывкнул сотник и хлестко рубанул по краю стены, отсекая врагу кисть. С истошным воплем, блеснув окровавленной культей в отсветах польхавшего пламени, степняк рухнул вниз. Он упал прямо на головы своим соплеменникам, что ползли вслед за ним по штурмовой лестнице, увлекая всех за собой. А его отрубленная кисть так и осталась на стене, вцепившись мертвой хваткой в наверхие заточенного бревна.

Не успел Наум сделать шаг в сторону своих отроков, которые добивали проникших на стену ордынцев, как заметил край еще одной приставной лестницы, появившейся из мрака. Сотник шагнул к ней и разящим ударом расколол надвое череп поднимавшегося степняка, даже не заметив его лица. А затем, оглядевшись по сторонам — рядом не было никого, кто мог бы напасть, — приставил оружие к стене и схватился за край лестницы, снабженной захватными крюками. Наум поднапрягся, оторвал ее от края стены и оттолкнул, отправив в полет всех, кто уже полз по ней наверх. Сдавленные крики из темноты были ему ответом.

— Ну, вот и еще десяток приговорили, — радостно выдохнул Наум, подхватывая свое оружие и вновь бросаясь в самую гущу схватки. Прошло совсем немного времени, как Наум и его молодцы добились почти всех, кто залез на стену в этом месте. Сотник уже собрался отдать приказ вернуться к пролomu и продолжать атаковать таран, но внезапно дальше по стене раздались новые крики и звон оружия, а затем и за спиной Наума послышалось то же самое. Там, где таран раскачивал стену, ордынцы исхитрились приставить лестницу и ворвались сквозь пролом наверх. Лучники, быстро развернувшись, встретили их меткой стрельбой и пока сдерживали, но те все лезли и лезли.

— Мало нас, — огорчился Наум, быстро оглядываясь по сторонам в поисках решения. Враги продолжали наседали со всех сторон. Вдалеке вновь послышался шум атаки и звон оружия — новый отряд захватчиков взобрался на стену в сотне шагов. Заполыхала вторая башня. Стена у пролома разгорелась пуще прежнего, пока русичи отбивали нападение, перестав ее тушить. Дымом от пожара заволокло почти всю стену у главной башни, здесь стало трудно дышать и почти невозможно рассмотреть врагов.

Вдруг стену тряхнуло так, что Наум едва не упал. В десяти сажнях от него в край стены врезался огромный камень. Он раскрошил зубцы и смел с нее всех, кто дрался в этом месте. Трое ратников отправились к праотцам, превратившись в кровавое месиво. Людские кости смешались с деревянными обломками стены и просыпались вниз. Причем вместе со своими врагами. Стрелявшие не жалели даже своих воинов и посылали заряды в темноту не разбирая, лишь бы сломить сопротивление защитников города.

Второй удар пришелся ниже, стена содрогнулась и затрещала. Наум упал на одно колено. Еще несколько камней тяжело просвистело над стеной и обрушилось на крыши городских домов, превращая их в щепки. Один камень угодил в горящий дом, довершив его разрушение, — головешки разлетелись во все стороны, пришибив несколько метавшихся рядом людей. Они так и остались лежать в снегу, придавленные дымящимися бревнами.

— Пороки* подтянули, — сплюнул Наум в сердцах, — не удержать нам более стену.

И повторил, словно объясняя сам себе:

* Пороки — камнеметные орудия, катапульты.

— Мало нас.

Он встал с колена, опершись на меч. Огляделся. Дым отнесло в сторону. Вокруг него сгрудился десяток лучников и несколько оставшихся ратников. Почти все, кем он командовал на стене, погибли за несколько дней осады. Новый удар — на сей раз тарана — сотряс крепостную стену до основания. Раздался треск, и от нее отвалился еще один кусок. Бревна рухнули вниз, придавив несколько воинов, спешивших на подмогу к защитникам. В месте образовавшегося пролома осталась едва ли половина высоты стены. И сотник понимал, что она выдержит от силы еще несколько ударов.

Наум перевел взгляд на городские улицы. Там, чуть поодаль, напротив башенных ворот, гарцевал на боевом коне облаченный в сверкающую бронь князь Юрий Игоревич*. Выстраивал рать, чтобы дать последний бой захватчикам на улицах горо-

К
◇
П
◇
В
Р
А
Т

* «Повесть о разорении Рязани Батыем» ошибочно называет рязанского князя Юрия Ингваревичем. У него был старший брат — Ингварь Игоревич. По одной из версий — погибший в 1235 году, еще до нашествия Батые. Однако подтверждающих это фактов нет. Согласно той же «Повести» именно с Ингварем Игоревичем Евпатий Коловрат находился в Чернигове в момент нападения врагов на Рязань уже в 1237 году.

Но сам Ингварь также иногда упоминается в источниках с отчеством Ингваревич. Существует известная историкам проблема — был ли у Ингваря Игоревича сын Ингварь Ингваревич? Является ли Ингварь Игоревич одним лицом с приписываемым ему сыном, который часто упоминается в связи с событиями в 1237 году? По мнению большинства исследователей, здесь имеет место «династический фантом». Большинство историков «сына» Ингваря Ингваревича либо не признаёт, либо отождествляет с его отцом.

Учитывая все вышесказанное, в данном романе оба князя, Юрий и Ингварь, носят отчество Игоревичи.